

ТВОИ СЛЕЗЫ

Воскресенье выдалась особенно душная ночь. Перед тем как сесть за стол, я включил стоявший в углу комнаты вентилятор. Запустил ноутбук, зашел на сайт стримингового сервиса. Несколько минут листал каталог в поисках чего-нибудь стоящего.

Наконец нашел симпатичную обложку, прочел описание и нажал на «Просмотр». Отзывы в этот раз не проверял.

Сразу настроил полуторную скорость воспроизведения, надел наушники, выпрямился и сосредоточился на истории. Обратился в зрение и слух, погружаясь во вселенную фильма. Сейчас решается, смогу ли я сопереживать персонажам.

Я напряженно искал в речи главного героя, его характере, проблемах и желаниях сходство с собой. Он такой же, как я, одиннадцатиклассник, и мы оба — те еще жалкие тряпки. А стриженные, но не под ежик, черные непослушные волосы так и вообще точь-в-точь!

С самого начала столько сходств! Неужели наконец-то бинго?..

Но, увы, и сегодня ничего. Через полтора часа с разочарованным вздохом снял наушники. По названию и описанию казалось, что история способна тронуть до слез, и с героем мы были во многом похожи, но слезы так и не пришли. Уже к середине фильма я почувствовал, что это

не то, и даже подумывал выключить, но до последнего надеялся на трогательную развязку. Увы, тщетно...

Оставалось только сглотнуть ком от обиды за впустую потраченное время. В следующий раз не буду обманываться пустыми надеждами и брошу просмотр, как только возникнет такая мысль. Я закрыл ноутбук, широко зевнул, поднявшись с места, и нырнул в постель, не забыв выключить вентилятор.

Уснул, зарывшись носом в подушку и сожалея, что сегодня меня опять не настигла смерть.

* * *

Диагноз «адакрия» мне поставили еще в детском саду. Адакрия — это, простым языком, малослезие. Однако название несколько обманчивое: у больного вовсе не пропадают слезы, как можно подумать, просто, если хочешь жить, от них приходится отказаться.

Дело в том, что у страдающих от этой болезни слезотечение провоцирует жар, да такой, что выплачешь зараз чайную ложечку слез — и все. Считается, именно столько, с поправкой на индивидуальные особенности организмов, в среднем проливает человек от большого горя.

Еще у обычного человека слезы слабощелочные, а у пациентов с адакрией из-за какого-то неустановленного фактора — кислотные. Причины этого феномена до сих пор не исследованы, и лечения, понятное дело, тоже нет. Адакрию, как правило, обнаруживают

в раннем подростковом возрасте — болезнь не врожденная, а приобретенная. Во всем мире зарегистрировано всего несколько сотен случаев, и ученым еще только предстоит решить эту загадку. Впрочем, жизни синдром практически не мешает, главное — много слез не лить. Вот и получается — «малослезие».

Пациенты проливают слезы характерного оттенка, который подарил болезни еще одно название: «синдром голубых слез». Первая капля на вид мало отличается от обычной, но чем дальше — и чем ближе к смертельной отметке, — тем насыщеннее становится цвет. Этот дурацкий синдром проявляется у подростков в самую чувствительную пору жизни, заставляя их, по сути, отказываться от любых сильных переживаний.

Что же до меня, то мне диагноз и вовсе поставили в шесть лет. В те годы я плакал, стоило только отцу на меня хоть немного повыситься голос. Уже и не вспомню за что — в памяти остались только пощечины и то, как слезы наворачивались от обиды и боли в левой щеке.

Чтобы не плакать перед отцом, я стискивал зубы, но это не помогало.

Меня пугали, что плаксы не растут или что за ними приходят чудовища: видимо, до рокового диагноза я ревел из-за любой ерунды. Я легко велся на страшилки, но по малолетству не знал, как удержать душасщие меня слезы. Таким уж уродился.

Но когда во время очередной истерики из глаз вдруг хлынули голубые слезы, отец вздрог-

нул и с удивлением уставился на меня. Меня тут же отвели к семейному врачу, который в свою очередь дал направление в университетскую больницу. Там провели несколько исследований и поставили этот странный диагноз: «адакрия».

Когда же мне, недоумевающему ребенку, разъяснили, что если буду много плакать, то умру, я до ужаса перепугался, да и вся семья с тех самых пор отчаянно берегла меня от любых чувств, которые могли довести меня до слез. «Когда тебе грустно, смейся», — наставляла мама. Отец, если видел, что у меня глаза на мокром месте, прикрикивал: «А ну, не хнычь!»

После смерти моей любимой собачки Моко я сдерживал слезы изо всех сил. Когда мы хоронили ее в саду, я по маминому совету натянул на лицо улыбку. Представляю, какое это было странное зрелище. Если бы увидели соседи, обо мне наверняка поползли бы жутковатые слухи.

Я постепенно привыкал к новой жизни без слез, но в четвертом классе мне пришлось нарушить строгий запрет.

Мама умерла от спонтанного кровоизлияния в мозг. Одним ранним утром в самый разгар зимы она готовила завтрак и вдруг ни с того ни с сего упала посредине кухни. Целый час никто даже не знал, что что-то случилось. Отец нашел ее, когда проснулся, и вызвал скорую, но уже к вечеру она скончалась.

Вид неподвижно лежащей мамы меня как громом поразил. Едва прикоснувшись к ее холодной руке, я разревелся, и глаза тут же заст-

лала голубая дымка. Я держался целых три года, но после маминой смерти плотину прорвало: из глаз так и лил нескончаемый поток. Отец что-то орал: наверное, требовал не реветь. Однако я просто не мог остановиться. Симптомы не заставили себя долго ждать, и от дикой головной боли я потерял сознание.

Несколько дней я находился на волоске от смерти. Жар ничем не сбивался, и температура в какой-то момент поднялась до сорока двух градусов. Я выжил каким-то чудом. Врач объяснил, что мне просто повезло: из-за обморока слезы остановились прежде, чем убить меня. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Однако меня предупредили, что в следующий раз чуда не произойдет.

Из-за госпитализации я пропустил мамины похороны. Правда, думаю, я бы все равно разрыдался на прощании. Так же, видимо, считал и отец, потому что он мне даже не сказал, когда ее похоронили.

После выписки отец попросил прощения за то, что не дал проститься с мамой. Сказал, что растерялся и не мог решить, как будет лучше. А еще отчитал меня, что даже без всяких там синдромов плакать на людях попросту стыдно.

Видимо, поэтому я невольно пялился на одноклассников и одноклассниц, если вдруг они начинали плакать прямо в школе. Рыдать у всех на виду? И им не стыдно? Я смотрел на этих отчаянных смельчаков, будто на диковинных зверюшек.

Оставшись наедине с собой, я иногда вспоминал маму, и слезы подступали сами собой. Однако я раз за разом стискивал зубы и терпел. Если в школе случались неприятности, вспоминал мамины слова, смеялся во весь голос и прогонял печаль.

Так я постепенно и разучился чувствовать: меня больше ничто не трогало.

— Сэяма! Тут, говорят, такой душераздирающий фильм вышел, все глаза выплачешь. Пойдем в кино? — предложил мне как-то раз одноклассник в средней школе¹.

Я удивился, потому что с тем мальчиком мы, может, вообще всего пару раз разговаривали, но ответил, напустив на себя беззаботный вид:

— Трогательный? Гм, а что? Можно.

Я рассудил, что от такого любезного приглашения отказываться не стоит, тем более что второго шанса может не быть, поэтому, чуть поколебавшись, согласился. Мальчик обращался ко всем: мальчишкам и девчонкам, — потому что надеялся завести в средней школе новых друзей.

И вот в ближайшие выходные мы выбрались компанией из пяти человек на фильм, от кото-

¹ В Японии начальная (1–6-й классы), средняя (7–9-й) и старшая (10–12-й) школа — это, как правило, отдельные заведения. Обязательными являются первые девять классов. Обучение начинается с шести лет.

рого тогда все рыдали. Из всей нашей компании не расплакался я один. По сюжету, основанному на одноименной любовной повести, героиня, ученица старших классов, заболела неизлечимой болезнью и умерла. Самая что ни на есть банальная история.

Отец меня сто раз просил не ходить на мелодрамы, но я как раз вступил в тот возраст, когда хочется поступать наперекор родителям, так что солгал ему, будто мы идем на хоррор.

— Удивительно, как ты не расплакался. По-моему, единственный в зале!

— Почему ты такой спокойный?

— Проспал, что ли, полфильма? — чуть ли не с упреком расспрашивали меня ребята, а я не знал, что им сказать.

Нет, фильм-то был интересным. Просто не тронул меня так сильно. Одноклассники, у которых тогда от слез опухли лица, пришли к выводу, что я бессердечный сухарь. Я возражал, что слезы или приходят, или нет, и насильно их из себя давить нельзя. Слово за слово, я признался, что плач может стоить мне жизни, но ребята не поверили. С тех самых пор между нами пролегла пропасть, и я перестал прилагать усилия, чтобы с кем-то подружиться.

Во время выпускного я с холодным равнодушием наблюдал за тем, как рыдают одноклассники. Где-то в глубине души я над ними даже посмеивался: почему они вообще льют слезы из-за такой ерунды? Хотя если уж совсем честно, то я им немного даже... завидовал.

В старшей школе я тоже ни с кем не подружился, решив затаиться. Только мое отношение к слезам несколько переменялось. Я понял, что мир полон слез самого разного толка. Мне часто попадались отзывы о кино, мультфильмах и книгах, которые «любого растрогают до слез», и я убедился, что многих подобные истории в самом деле заставляли плакать. Кто-то рыдал от обиды, что проиграл на школьных соревнованиях. Кто-то — от восторга, что раздобыл билет на концерт кумира. От горечи, когда любимая девушка не ответила взаимностью. От радости — когда ответила.

На все эти слезы мне оставалось только с тоской глядеть издалека.

Я отчаянно захотел и сам когда-нибудь искренне расплакаться.

Итак, вот уже семь лет я не проливал ни слезинки. Исследования феномена адакрии так и не продвинулись, ни методику лечения, ни чудодейственное лекарство никто до сих пор не разработал. Так что я забыл, каково это — плакать. Да ладно, слезы! Я не помнил, когда в последний раз от всей души хохотал. Похоже, из-за моей отчужденности у меня вообще постепенно атрофировались все чувства.

Мне так осточертело постоянно подавлять собственные эмоции, что в последнее время я только и выбирал, что всякие душераздирающие фильмы, сериалы, аниме, манги и книги.

Я поймал себя на мысли, что мечтаю умереть из-за чего-то по-настоящему трогательного. Я жил в ожидании, когда что-нибудь прервет мою бесслезную муку — убив меня или, как мне больше нравилось думать, подарив спасение.

Отучившись в старшей школе год, я остро почувствовал — чего-то не хватает. Да я и сам понимал чего: вынужденный следить со стороны за радостью и печалью, которые всех моих ровесников охватывали с головой, я жаждал лишь одного — испытать их самому.

Как представил, что всю жизнь придется так маяться, тошно стало. Я бы с большим удовольствием воспевал гимны юности без оглядки на слезы. Однако эти двери передо мной закрыты. Хуже того: я вынужден сдерживать самое великое счастье и самое жгучее горе.

В какой-то момент я окончательно отчаялся. Решил, что в ближайший год во что бы то ни стало доведу себя до слез и поставлю в этом вопросе жирную точку.

С начала одиннадцатого класса минуло два месяца, в свои права вступило душное лето¹. Как-то раз после занятий я зашел в школьную библиотеку за одной слезливой книжкой. В своих вечных поисках я пока не нашел такое про-

¹ Учебный год в Японии начинается в апреле, а летние каникулы — только в конце июля или начале августа.

изведение, которое затронуло бы самые глубокие струны моей души.

В читальном зале я, вооружившись телефоном, пробежал взглядом по стройным рядам корешков: заметил в Сети во время обеденного перерыва одну мангу и надеялся, что раздобуду ее тут. Наша библиотека не отличалась особым разнообразием, зато книжки можно было брать бесплатно. Отец не выделял мне много денег на карманные расходы, свои я не зарабатывал, так что в читальный зал наведывался часто.

Итак, я обошел стеллажи, но нужную книжку не нашел. Уже собирался смириться с поражением и идти по своим делам, но вдруг услышал, как кто-то хлопает носом, и остановился как вкопанный.

Обернувшись, я обнаружил за одним из столов одноклассницу Судзуну Хосино. Ее хрупкие плечики содрогались в рыданиях, а из больших глаз катились слезы. Каждый раз при виде ее худенькой фигурки я переживал, достаточно ли она ест, но вместе с тем невольно отмечал, что опухшие глаза никогда не портили хорошенькое личико.

После десятого класса параллели перетасовали, и новых одноклассников я почти не запомнил, но на эту девушку обратил особое внимание. Честно говоря, я ее заметил еще в десятом классе, а если совсем точно — в тот самый день, когда объявили результаты вступительных экзаменов.

